

СОЦИАЛЬНЫЕ КООРДИНАТЫ ЛИТЕРАТУРЫ: БИОГРАФИИ, ИНСТИТУТЫ, РЕПУТАЦИИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-3-25-37

© А. С. БОДРОВА, © С. Н. ГУСЬКОВ

О СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА. ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ*

Описание социальной истории русской литературы XIX века остается чрезвычайно сложной задачей как в отношении сбора и систематизации материала, так и с концептуально-методологической точки зрения. В российском и — шире — постсоветском контексте сама область социологических исследований литературы, несмотря на значительное развитие в 2000–2010-е годы, все еще испытывает последствия специфических интерпретаций социального знания в СССР. В 1970–1980-е годы, хорошо памятные старшим поколениям филологов, затем транслировавших сложившуюся в это время систему убеждений своим ученикам, социологизирующие толкования литературных фактов (влияние экономических или классовых факторов, обстоятельств общественной борьбы и т. п.) воспринимались как неотъемлемое свойство «советского литературоведения» и маркер ритуализированного академического языка, а потому отвергались теми исследовательскими группами, которые так или иначе противопоставляли себя научному официозу. Критическое отношение к социально-детерминистским концепциям в позднесоветское и постсоветское время поддерживалось несомненным авторитетом формальной школы, в своих ранних манифестах выступавшей против внеположных самой литературе объяснений ее генезиса и эволюции,¹ и тартуско-московского структурализма, также дистанцировавшегося от литературной

* Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 24-18-00761, <https://rscf.ru/project/24-18-00761/>, ИРЛИ РАН. Благодарим участников проекта за обсуждение отдельных положений статьи, а также рецензентов за полезные замечания. Наша особая признательность Н. Г. Охотину, принимавшему активное участие в создании концепции проекта и структуры базы данных.

¹ К середине 1920-х годов все основные представители петербургского формализма — Ю. Н. Тынянов, Б. М. Эйхенбаум, В. Б. Шкловский — так или иначе пересмотрели свои взгляды на отношения между литературой и «внелитературными рядами» (см. об этом в комментариях Е. А. Тоддеса, А. П. и М. О. Чудаковых к статье Тынянова «О литературной эволюции» и тезисам Тынянова — Якобсона «Проблемы изучения литературы и языка»: Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 519–521, 525–526, 530–534; а также: Чудакова М. О. Социальная практика, филологическая рефлексия и литература в научной биографии Эйхенбаума и Тынянова // Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 103–131), однако сохранили неприятие детерминистских схем «литературных „социологов“». Ср. в статье Эйхенбаума «Литературный быт» (1927): «...анализ произведений с точки зрения классовой идеологии писателя <...> и причинно-следственное выведение литературных форм и стилей из общих социально-экономических и хозяйственных форм эпохи (напр., поэзия Лермонтова и хлебный вывоз в 30-х годах), — путь, который неизбежно лишает литературную науку и самостоятельности, и конкретности» (цит. по: Эйхенбаум Б. М. «Мой современник». Художественная проза и избранные статьи 20–30-х годов. СПб., 2001. С. 66).

социологии.² При этом работы поздних формалистов, прежде всего Б. М. Эйхенбаума и его учеников (М. И. Аронсона, С. А. Рейсера), посвященные проблематике «литературного быта», как и статьи Ю. М. Лотмана об имплицитной «структуре аудитории» и «домашней семантике» текстов, исследования «поэтики бытового поведения» и культуры русского дворянства в их преломлении в художественных сочинениях, послужили важной опорой для изучения ближайшего социального контекста бытования литературы и его концептуализации.³ Еще одной сравнительно разработанной областью стали исследования литературных репутаций, возводимые в отечественном контексте к неортодоксальной фигуре И. Н. Розанова и его известной книге 1928 года.⁴

Значительное расширение сферы социологических штудий во второй половине 2000-х — 2010-е годы было связано с освоением новых подходов к описанию отношений между литературой и ее социальным и экономическим окружением. Это прежде всего теория поля литературы П. Бурдьё,⁵ «новая экономическая критика»,⁶ история и социология чтения,⁷ институциональная теория⁸ и концепция «публичной сферы».⁹ Их теоретическая и практическая разработка во многом была подготовлена изучением журналистики и критики XIX века, цензуры, книгоиздания, книготорговли, практик чтения. Но

² Об этом см., например: *Живов В. М.* Московско-тартуская семиотика: ее достижения и ее ограничения // Новое литературное обозрение. 2009. № 98. С. 24.

³ Подробнее об истории изучения литературного быта и литературных объединений см.: *Бодрова А. С.* Литературные общества в России первой половины XIX века: проблемы междисциплинарного описания // Русская литература. 2021. № 1. С. 5–18.

⁴ *Розанов И. Н.* Литературные репутации. М., 1928. Популяризации понятия способствовало переиздание работ Розанова: *Розанов И. Н.* Литературные репутации. Работы разных лет. М., 1990. Отметим также более социологизированное определение литературной репутации, которое было дано А. И. Рейтблатом в статье «Как Пушкин вышел в гении» (*Рейтблат А. И.* Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М., 2001. С. 51–69), в свое время вызвавшей острую полемику (см., например, рецензию А. С. Немзера: *Немзер А. С.* Как Булгарин не вышел в гении. А Пушкин послужил социологии литературы // Время новостей. 2001. 22 авг. № 151 (переизд.: *Немзер А. С.* Замечательное десятилетие русской литературы. М., 2003. С. 509–511)).

⁵ Рус. пер. наиболее популярной статьи: *Бурдьё П.* Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22–87.

⁶ О самом подходе и научно-идеологических трудностях его применения на российском материале см.: *Гронас М.* О новой экономической критике, как если бы о ней писал новый экономический критик // Новое литературное обозрение. 2002. № 58. С. 7–14; *Макеев М. С.* Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель (очерки о взаимодействии литературы и экономики). М., 2008. С. 6–11.

⁷ Помимо исследований Дубина, Гудкова, Рейтבלата, начатых еще в 1980-е годы (см. прежде всего: *Дубин Б. В.* Слово — письмо — литература: Очерки по социологии современной культуры. М., 2001; *Рейтблат А. И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009), назовем переведенные в 2000-е годы работы Р. Шартье и его коллег (*Шартье Р.* Письменная культура и общество / [Пер. с фр. и послесловие И. К. Стаф]. М., 2006; История чтения в западном мире от Античности до наших дней / Ред.-сост. Г. Кавалло, Р. Шартье. М., 2008), а также авторитетную книгу Дж. Брукса (*Brooks J.* When Russia learned to read: literacy and popular literature, 1861–1917. Princeton, 1985). Продуктивность этого подхода демонстрирует трехтомная «История чтения в России» — итог международного проекта под общей редакцией Д. Ребеккини и Р. Вассены (*Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia* / Ed. D. Rebecchini, R. Vassena. Milano, 2020. Vol. 1–3).

⁸ Краткий очерк развития институционального подхода к изучению русской литературы имперского периода см.: *Вдовин А. В., Зубков К. Ю.* «Не литература сама по себе, а ее социальное бытование»: институты литературы в Российской империи // Институты литературы в Российской империи: Коллективная монография / Отв. ред. А. В. Вдовин, К. Ю. Зубков. М., 2023. С. 10–26.

⁹ О самом понятии и его освоении в российском контексте см.: *Несовершенная публичная сфера: История режимов публичности в России* / Сост. Т. Вайзер, Т. Атнашев, М. Велижев. М., 2021. С. 5–81.

если филологические исследования преимущественно концентрировались на отдельных фигурах — критиков, редакторов, издателей, цензоров, то книговедческие, собственно социологические и исторические работы, связанные с Сектором книги и чтения ГБЛ (ныне РГБ) и Сектором книговедения ГПБ (ныне Научно-исследовательский отдел книговедения РНБ), создавали фундамент для изучения типовых, массовых, неиндивидуальных явлений и в большей степени требовали обновления научного языка. Характерно, что о потенциальной продуктивности институционального подхода к описанию литературной системы раньше и последовательнее всех писали социологи книги и чтения Б. В. Дубин, Л. Д. Гудков, А. И. Рейтблат еще в середине 1990-х — начале 2000-х годов, обобщая собственный опыт предшествовавшего десятилетия.¹⁰ По формулировке Гудкова и Дубина, первый из вариантов «осмысленной, то есть теоретической и методически отрефлексированной, истории литературы» — это «а) история самого института литературы (история основных социальных ролей его составляющих, их институциональных ресурсов и групповых форм, то есть частные истории разных типов писателя, критика, литературоведа, цензора, читателя, преподавателей литературы); б) история взаимоотношений этого института с другими социальными институтами — религией, семьей, школой, властью, рынком, цензурой и т. п.; в) история публики (литературного успеха или непризнания, соответственно, ролей писателя-гения, дилетанта, графомана, профессионального умелого беллетриста, поставщика массового чтения и проч.)».¹¹

Более широкое распространение институциональные исследования литературы получили, однако, лишь во второй половине 2010-х годов — в свете обострившихся дискуссий о литературном каноне и необходимости его ревизии, развития гендерной и постколониальной теорий, акцентировавших внимание на не представленных или недопредставленных в историческом нарративе меньшинствах и группах (женщины-писательницы, переводчицы, издательницы; выходцы из колоний; литераторы из непривилегированных сословий и т. д.). Другим фактором, способствовавшим интересу к социолитературному материалу, стало стремительное развитие количественных, прежде всего компьютерных и статистических исследований литературы и культуры (Digital humanities), которые благодаря совершенствованию технологий смогли выйти на качественно новый уровень.¹²

В последние годы стали появляться оригинальные и переводные монографии и статьи, посвященные различным институтам литературы в Российской империи,¹³ а их описание стало важной частью многих проектов «историй русской литературы». Так, в недавней оксфордской истории литературы¹⁴ анализ институтов занимает существенное место в характеристике отдельных периодов — начиная от Древней Руси и заканчивая новейшим временем

¹⁰ Гудков Л. Д., Дубин Б. В. Литература как социальный институт. М., 1994; Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Страда В. Литература и общество: введение в социологию литературы. М., 1998. О предьстории концепции Дубина см.: Каспэ И. Как возможна литература? Как возможна социология литературы не по Бурдьё? // Новое литературное обозрение. 2015. № 2. С. 151–155.

¹¹ Гудков Л. Д., Дубин Б. В. «Эпическое» литературоведение. Стерилизация субъективности и ее цена // Новое литературное обозрение. 2003. № 1. С. 230.

¹² О промежуточных итогах развития этого научного направления в российском контексте см. в коллективной монографии: Цифровые гуманитарные исследования. Красноярск, 2023.

¹³ См., например: Институты литературы в Российской империи; Стоун Дж. Институты русского модернизма: концептуализация, издание и чтение символизма. М., 2022; а также блок статей «Институты литературного успеха в русском модернизме» в журнале «Литературный факт» (2018. № 9. С. 66–281).

¹⁴ Kahn A., Lipovetsky M., Reyfman I., Sandler S. A History of Russian Literature. Oxford, 2018.

(перестройка и постсоветский период). В только что вышедшей «The New Cambridge History of Russian Literature» специальный раздел посвящен институциональным механизмам — «социальным, материальным и дискурсивным структурам и категориям, формировавшим русскую литературу и те сообщества, в которых она создавалась и читалась».¹⁵ В готовящейся новой академической истории русской литературы¹⁶ также планируется уделить внимание институциональным аспектам, о чем свидетельствует объемный сборник «Социокультурные контексты русской словесности XI–XX веков», представленный как «Материалы к „Истории русской литературы“» (СПб., 2024).

Однако социальная история литературы едва ли может быть исчерпана проблематикой институций; более того, их фундированное описание требует более подробного и одновременно более массового обследования участников литературного процесса, их творческих и общественных биографий. Как и в случае с институтами литературы, работа над биографией также требует синтетического описания разных сторон деятельности индивида — в социуме, в литературе, в отношениях с властью и т. д.

Несмотря на то, что биографический подход к интерпретации текстов, как и научное изучение жизнеописаний, имеет долгую историю и разветвленную традицию,¹⁷ биографические штудии до сих пор продолжают концентрироваться на индивидуальном, семиотическом понимании жизнеописания, канонизированном романтической эпохой. Биография в таком случае служит своего рода ключом к творчеству и сосредоточена на уникальном пути писателя, который в редких эпизодах соотносится со стратегиями других акторов, сосуществующих в литературном и общественном поле. Если же смотреть на биографию как на обусловленное структурой общества последовательное «пересечение ее рамок в процессе нормативно <...> заданной карьеры того или иного типа»,¹⁸ мы получаем возможность для более широких социологических обобщений, в том числе поддержанных количественными и статистическими данными, для реконструкции типовой социальной и литературной траектории писателя в тот или иной период, а с другой стороны — для описания на этом общем фоне индивидуальных особенностей, эксцессов и прорывов. Разумеется, не все этапы и эпизоды творческой биографии с равным успехом поддаются такой формализации, но социальные, «анкетные» характеристики — начиная с места и года рождения, сословного происхождения, образования, службы и т. д. — могут быть применимы к участникам литературного процесса вне зависимости от их статуса и каноничности.

На первый взгляд может показаться, что охватить исследованием, т. е., согласно М. Л. Гаспарову, «выделить существенные явления, подсчитать, систематизировать и обобщить»,¹⁹ этот аспект истории литературы еще сложнее,

¹⁵ *Franklin S., Reich R., Widdis E. Introduction // The New Cambridge History of Russian Literature. Cambridge, 2024. P. 3–4; перевод наш. — А. Б., С. Г. Под общим заголовком «Mechanisms» объединены разделы, в которых описываются салоны и кружки, толстые журналы, издатели, цензура, императорский двор и т. д.*

¹⁶ Об этом проекте см.: *Багно В. Е. О новой академической «Истории русской литературы» в Пушкинском Доме // Русская литература. 2017. № 1. С. 16–20.*

¹⁷ Концептуальное описание различных традиций изучения биографий см.: *Калугин Д. Я. Биография как теория и практика // Калугин Д. Я. Проза жизни: русские биографии XIX–XX вв. СПб., 2015. С. 15–50.*

¹⁸ *Дубин Б. В. Биография, репутация, анкета (О формах интеграции опыта в письменной культуре) // Дубин Б. В. Очерки по социологии культуры: Избранное. М., 2017. С. 507.*

¹⁹ *Гаспаров М. Л. Как писать историю литературы // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 142.*

чем описать жанры, приемы, язык и стиль. В начале 2000-х годов Гаспаров скептически замечал: «На вопрос „как писать историю русской литературы?“ мне сразу захотелось ответить: а ее никак писать не надо, потому что сейчас мы ее хорошо не напишем: нет материала».²⁰ Однако в случае с социальной историей литературы весьма значительный материал как раз собран, а сама идея построения истории литературы через социологическое прочтение писательских биографий обнаруживает почтенную традицию.

Сходную концепцию, восходящую к позитивистским социологическим интересам позднего XIX века и культурно-исторической школе, разрабатывал С. А. Венгеров,²¹ посвятивший долгие годы работе над «Критико-биографическим словарем русских писателей и ученых» и поразительному по своему масштабу сбору материалов для этого проекта. Описывая свой замысел и установки в предисловии ко второму изданию «Критико-биографического словаря», Венгеров, полемизируя с А. Н. Пыпиным, подчеркивал необходимость целостного, институционального взгляда на литературу, которая «объемлет всю пишущую братию, не только генералов и полковников от литературы и науки, но и простых рядовых».²² Прибегая к органицистской, биологизирующей метафорике (близкой к инструментарию современной теории культурной эволюции), Венгеров утверждал, что «литература есть тоже явление вполне органическое, где нет случайности, где есть свои законы литературной биологии, одинаково ярые как в крупных особях литературного царства, так и в малых. <...> Нет одиноких вершин на равнине, всякая литературная эпоха есть сплошной горный кряж, одного происхождения и одного и того же свойства. <...> мелкий писатель, все равно как в биологии известный маленький ланцетник, сплошь да рядом ярче характеризует ту или другую эпоху, чем писатель крупный».²³ Для Венгерова такой неиерархический подход был во многом мотивирован его культурно-исторической концепцией (все писатели и ученые, вне зависимости от масштаба своего вклада и признания, равно выражают дух эпохи и представляют «духовные силы страны»²⁴), однако любопытно отметить и упоминаемые автором «Критико-биографического словаря» количественно-социологические аспекты возможных исследований на его базе: «Словарь писателей и ученых <...> дает прочную основу для установления всякого рода выводов, для установления того, что со времен Кетле в социологии известно под именем закона больших чисел», «можно установить любопытнейший закон соотношения качества и количества. Много ли, в самом деле, в этих двух корпусах писательской братии генералов, полковников, капитанов и т. д.? <...> какая средняя цифра жития русского писателя, каков сословный состав русской литературы и наук, какие годы дали наибольшее

²⁰ Там же.

²¹ Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). СПб., 1889–1904. Т. 1–6; Источники словаря русских писателей / Собр. С. А. Венгеров. СПб., 1900–1917. Т. 1–4; Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. 2-е изд. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки. Пг., 1915–1918. Т. 1–3. О деятельности и воззрениях Венгерова см.: Byford A. S. A. Vengerov: The Identity of Literary Scholarship in Late Imperial Russia // Slavonic and East European Review. 2003. Vol. 81. № 1. P. 1–31; об истории сбора биографических и автобиографических материалов для «Критико-биографического словаря...» и «Предварительного списка...» см.: Конусова Е. Д. Коллекция автобиографий и биобиблиографических материалов С. А. Венгерова: формирование и историко-литературное значение. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016.

²² Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. 2-е изд. Т. 1. Вып. 1. С. XIV.

²³ Там же. С. XV.

²⁴ Там же.

количество рождений и смертей, какие местности являются главными и т. д., и т. д.».²⁵

Хотя ни «Критико-биографический словарь...», ни даже «Предварительный список русских писателей и ученых...» не был завершен Венгеровым и его помощниками,²⁶ идея репрезентации истории литературы в форме словаря, а не в форме иерархизированного и идеологизированного нарратива, ограниченного списком канонических имен, оказалась востребованной и, по счастью, практически реализованной в еще одном фундаментальном проекте, несомненно наиболее значительном в этом направлении, — биографическом словаре «Русские писатели. 1800–1917».²⁷

Составленные усилиями нескольких поколений авторов и редакторов, шесть вышедших томов словаря, общим объемом более 700 печатных листов, содержат около 2800 писательских биографий — от школьных классиков до давно забытых литераторов, информацию о которых нередко приходилось искать в провинциальных архивах. С выходом в ближайшие год-два заключительного седьмого тома, включающего статьи примерно о 150 авторах с фамилиями на Ч–Я и обширный справочный аппарат, представительное описание деятельности разномасштабных участников литературной жизни «долгого XIX века» будет наконец завершено.

При работе над словарем было сделано множество уточнений и открытий: выявлены новые биографические факты, обнаружены неизвестные публикации, ранее считавшиеся анонимными, раскрыты многие псевдонимы, не вошедшие в другие литературные справочники. Каждая статья снабжена выверенными библиографическими списками, указаниями на использованные архивные материалы и т. п. Помимо несомненной справочной ценности, нельзя не отметить и огромное значение материалов словаря для фундированного социологического описания как истории литературы всего периода, так и отдельных десятилетий или писательских когорт. На подобные перспективы пронизательно указывал Дубин в рецензии на первые два тома «Русских писателей», рассуждая о возможности строить, опираясь на данные словаря, «реестр типовых биографий писателя в России XIX в., связав их, с одной стороны, с чертами социальной роли, культурной маской (аристократ-любитель, радикал-разночинец, самоучка из низов, ученый-популяризатор, рыночный

²⁵ Там же. Хотя количественные и статистические методы в 1910-е — начале 1920-х годов активно использовались для имманентного описания поэтики литературных текстов, прежде всего в области стиховедения (известные работы А. Белого, С. П. Боброва, Г. А. Шенгели, Б. В. Томашевского и др.), в истории литературы или литературной социологии они не получили развития. На этом фоне значимое и чрезвычайно любопытное исключение — работа Н. А. Сетницкого «Статистика, литература и поэзия», первоначально опубликованная в журнале «Статистический вестник», а затем вышедшая отдельной брошюрой. В ней предлагалось активно внедрять статистические методы как для изучения истории, так и для фиксации и осмысления современного литературного процесса. См.: *Сетницкий Н. А. Статистика, литература и поэзия. К вопросу о плане исследования // Статистический вестник. 1921. № 7–12. С. 18–30; отд. изд. — Одесса, 1922; современное комментированное переиздание: Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х годов. М., 2003. Вып. 1. Н. А. Сетницкий / Сост. Е. Н. Берковской (Сетницкой), А. Г. Гачевой; подг. текста и комм. А. Г. Гачевой. С. 303–327, 533–538.*

²⁶ О «Предварительном списке...» Венгерова, истории его изучения и перспективах публикации заключительной части, сохранившейся в материалах ученого и ныне находящейся, наряду с архивом и картотеками, в Рукописном отделе Пушкинского Дома, см.: *Хохлова Н. А. Может ли быть завершен изданием «Предварительный список русских писателей и ученых» С. А. Венгерова // Русская литература. 2014. № 4. С. 184–193.*

²⁷ *Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1989–2007. Т. 1–5; М.; СПб., 2019. Т. 6. О преемственности «Русских писателей» по отношению к замыслу Венгерова см.: Дубин Б. В. Литература в зеркале биографического словаря // Дубин Б. В. Слово — письмо — литература. С. 127.*

«затейник» и др.), а с другой — с настойчиво воспроизводимыми писателем темами, конфликтами и формами поэтики, языка, обращения к читателю».²⁸

Справочник уже содержит множество характеристик акторов литературного поля, но обособленность словарных статей и персонализированный биографический нарратив не позволяют использовать потенциал «Русских писателей» в полной мере. Для структурирования и анализа этого материала, на наш взгляд, необходима цифровизация словаря, выделение и формализация однотипных социальных, гендерных, географических, историко-литературных координат. Например, дата и место рождения и смерти, пол, принадлежность к тому или иному сословию, место и период обучения и службы, матримонимальный статус, хронология и география литературной деятельности, этапы и типы служебной карьеры (военная/статская/духовная, ведомства и переходы между ними и т. д.), год и жанр литературного дебюта, основные места публикаций, наличие прижизненных отдельных изданий и/или собрания сочинений, членство в литературных объединениях и общественных организациях. Работа в этом направлении ведется нашим научным коллективом совместно с компанией «Альт-Софт», признанными специалистами в области создания гуманитарных баз данных.²⁹ В дальнейшем, используя нарабатываемые аналитические методики и технические решения, можно будет добавить материалы предшествующей и последующих эпох, собранные в «Словаре русских писателей XVIII века» и в словарях писателей XX века. «Русские писатели» используются в качестве базового источника полных биографических данных. Созданный на основе словаря научный инструмент может развиваться как экстенсивно (увеличится словник, расширится хронология, будет построена интеграция с корпусами текстов), так и интенсивно (будут совершенствоваться программно-технические средства, архитектура базы данных), что позволит новому ресурсу стать полноценной экосистемой русской литературы в сети Интернет.

Создание электронного научного ресурса по социальной истории русской литературы XIX века открывает возможность для решения как масштабных, так и частных историко-литературных и социологических задач. Новый научный инструмент позволит — с опорой на обобщенные и систематизированные данные — предложить описание ряда проблемных полей и историко-социологических корреляций (соотношение между литературной и служебной карьерой; эволюция гендерного и социального состава внутри поля литературы; типы устойчивых социальных и литературных сетей и т. д.). Благодаря систематизации и тематическим выборкам данных из словаря появится возможность пересмотреть множество историко-литературных проблем.

Особенность такого подхода заключается в отказе от всеобъемлющего авторитетного исторического нарратива. Многотомные национальные истории литературы, выходящие раз в тридцать-сорок лет (последняя академическая история была написана еще в СССР), не способны успеть за стремительным

²⁸ Дубин Б. В. Литература в зеркале биографического словаря. С. 128. См. также обращение к материалам словаря для описания динамики литературного поля в 1830–1880-е годы в работах Рейтблата (рост числа литераторов, увеличение доли женщин-писательниц и т. д.): Рейтблат А. И. Взаимоотношения авторов и издателей во второй половине XIX — начале XX века // Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту. С. 252–254, 386–387.

²⁹ Идея превращения «Русских писателей...» в базу данных давно витала в воздухе. Еще Б. Л. Бессонов, член редколлегии этого издания, работавший над словарем с середины 1980-х годов, отмечал в одном из отчетов необходимость создания «базы данных, подключающей ЭВМ к составлению следующих томов» (цит. по: Балакин А. Ю., Степина М. Ю. «Это надо спросить у Бессонова» // Новое литературное обозрение. 2016. № 140. С. 221). По сообщениям А. А. Карпова и П. А. Гринфельда, в конце 2000-х годов Бессонов начинал работу по оцифровке словарных статей и разметке для базы данных, однако этот проект не был реализован.

накоплением данных. Их место должен занять оперативно пополняемый электронный справочник, в котором собственно «история» (точнее, истории, потому что число их необозримо) формируется по уникальному пользовательскому запросу. Такой научный инструмент, с одной стороны, будет препятствовать фальсификации в угоду интеллектуальной моде, а с другой, даст неограниченные возможности для верификации нового знания.

Создание электронного справочника по социальной истории русской литературы XIX века на основе словаря «Русские писатели. 1800–1917» лежит в русле Digital humanities, комплекса дисциплин, работающих над цифровым преобразованием и расширением возможностей анализа данных гуманитарных наук с использованием методов статистики и компьютерного моделирования. В последние годы в филологии все более значимыми становятся электронные инструменты: цифровые библиотеки и архивы, библиографические базы, корпуса текстов. При этом современные гуманитарные науки стремятся не только и не столько к оцифровке источников (как первичных, так и научных изданий, исследований, библиографий и т. д.), но и к их цифровизации (digitization vs digitalization) — такому преобразованию в цифровой среде, которое предоставляет пользователям принципиально новые по сравнению с бумажными изданиями возможности (поиск, тематическая разметка, связигиперссылки, варианты и т. д.).³⁰ Цифровизация в историко-литературных исследованиях логично ведет к созданию экосистем, аккумулирующих большие объемы данных и имеющих разнообразный арсенал для их систематизации, обработки, конвертации и визуализации.³¹ Однако корректное применение количественных методов в этом случае зависит как от качества данных, так и от понимания ограниченности точных методов в применении к специфическому историко-литературному материалу.³²

Предполагается, что база данных станет инструментом, который поможет определить соотношение различных социально-биографических параметров. В рамках общих задач мы среди прочего выделяем такие темы социолитературных исследований, как гендерная структура литературного поля и ее эволюция (женщины-писательницы и переводчицы, основные жанры женского творчества и «литературные ниши» (издания, кружки, общества)); динамика социального происхождения русских писателей (становится ли литература менее «дворянской» и в какое время это происходит, какую долю занимают выходцы из купечества, духовенства, крестьян, насколько социальное происхождение влияет на тип литературной карьеры; выявление центров «сословной» литературы); соотношение литературы и государственных институтов.

Статьи словаря, в которых описывается не только литературная, но и служебная карьера авторов XIX века, позволяют исследовать одну из актуальных сегодня проблем — взаимодействие власти и литературы. Интерес к государственной службе писателей долгое время был факультативен. Подробное исследование карьеры, например, П. А. Вяземского в книге М. И. Гиллельсона³³ оставалось редким исключением. В последние десятилетия появились работы, в которых служебная деятельность рассматривается в качестве значимой

³⁰ Благодарим А. И. Мартыненко за обсуждение формулировок при описании задач проекта в перспективе Digital humanities.

³¹ В качестве недавнего примера приведем проект «Слово Толстого» <https://slovotolstogo.ru/>, по-новому представляющий материалы 90-томника в цифровой среде.

³² Принципы точных гуманитарных исследований емко сформулированы в статье М. И. Шапира «„Тебе числа и меры нет“: О возможностях и границах „точных методов“ в гуманитарных науках» (*Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения: Избр. труды по теории литературы* / Изд. подг. М. В. Акимова, И. А. Пильчиков, М. И. Шапир. М., 2006. С. 875–905).

³³ Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969.

составляющей творческого пути таких авторов, как И. И. Дмитриев, Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, Ф. И. Тютчев, И. А. Гончаров, Н. С. Лесков, К. Н. Леонтьев и др. «Законность» обращения к этой теме подтверждается тем, что ученые не только анализируют отдельные биографические кейсы, но предпринимают попытки выстроить типологию служивших литераторов. И. Рейфман, А. И. Рейтблат и др. рассматривают литератора-чиновника как типичное явление. Оно игнорировалось советским литературоведением, но теперь возвращено в актуальную научную парадигму.³⁴ Однако даже сейчас ученые чаще всего обращаются к единичным случаям, ограничиваясь десятью-двадцатью именами. База данных позволит существенно расширить материал, учесть многообразные социологические характеристики, в том числе чин, должность, ведомство. Тематические выборки по материалам словаря (почти три тысячи биографий) позволят приблизиться к пониманию, каково реальное соотношение служащих и не служащих писателей в разные периоды XIX века и как оно менялось, связано ли оно с политическими и экономическими трендами; можно ли говорить о корреляции между служебным положением автора (чином) и его литературной известностью или тиражами его произведений, каковы социальные сети литераторов-чиновников.

Так, предварительные исследования обнаруживают, к примеру, министерства и департаменты, в которых в определенные периоды служило множество литераторов (Департамент внешней торговли в 1830-е годы или Министерство внутренних дел в 1860 году). Из базы могут быть сделаны и проанализированы и другие «служебные» выборки: средняя продолжительность карьеры, возраст и чин выхода в отставку, доля военных и статских и т. д. В диахронии эти простые выборки (разумеется, в совокупности с другими: гендерными, сословными, возрастными и проч.), возможно, позволят обнаружить новые или подтвердить/опровергнуть уже декларированные закономерности эволюции писательства в XIX веке и предложить научные основания для периодизации социальной истории литературы.

Содержащиеся в словарных статьях сведения о принадлежности того или иного писателя к литературным объединениям разного типа (кружки, собственно литературные общества, салоны и т. д.) могут стать ключом к описанию внутренней самоорганизации поля литературы. Из обобщенных данных этого типа мы сможем сделать выводы о широте охвата литературных объединений (какое количество действующих авторов входило в одно или несколько сообществ), их типологии и эволюции, соотношении литературных и других добровольных ассоциаций, корреляции между членством в обществах и выбором изданий для публикации. Эти данные важны в целом для реконструкции социальных сетей внутри литературного поля, изучения корреляций между группами и объединениями и, например, службой в том или ином ведомстве. Учет этого материала позволит проследить эволюцию представлений о социальных функциях и институтах писательства по мере автономизации литературы. Обращение к профессиональным объединениям дополнит уже накопленные сведения о формировании институтов гражданского общества и публичной сферы в России, большое значение для которого имели именно добровольные ассоциации.³⁵

³⁴ Обзор исследовательской традиции и современных работ по проблеме см.: Гуськов С. Н. Литература и государственная власть в России XIX века. Обзор новых исследований // Русская литература. 2021. № 4. С. 240–247.

³⁵ См., например, исследования Дж. Брэдли (*Bradley J. Voluntary associations in Tsarist Russia*. Cambridge, MA, 2009; рус. пер.: *Брэдли Д. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество*. М., 2012), коллективную монографию под редакцией А. С. Тумановой (Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII —

Существенно отметить, что трансформация словаря в базу данных отнюдь не рутинный механический процесс, легко поддающийся автоматизации. В первых, уже на начальном этапе нам удалось уточнить ряд отсутствующих данных. Эти лакуны были по большей части вызваны трудностью поиска биографической и библиографической информации в доцифровую эпоху, а сейчас восполняются достаточно быстро с помощью многочисленных электронных архивов и библиотек. Приведем только один пример из личного опыта — работы над статьей о С. И. Стромиллове.³⁶ В середине 2010-х годов, когда эта статья писалась, установить дату смерти поэта традиционными эвристическими способами не удавалось: в печатных «Некрополях» данные о Стромиллове отсутствовали, таких сведений, разумеется, не было в его формулярном списке, поздняя переписка поэта сохранилась плохо — соответственно, не было возможности выяснить место его проживания для уточнения данных в метрических книгах и т. д. Сейчас же, благодаря сквозной оцифровке метрических книг и исповедных ведомостей Москвы, Московской губернии и еще целого ряда регионов сервисом Яндекса «Поиск по архивам», определить эту дату не составляет труда — согласно записи в документах московской церкви Николая Чудотворца в Плотниках, титулярный советник Семен Иванов Стромиллов, 48 лет, скоропостижно скончался «от удара» 22 марта 1860 года.³⁷

Проблемы цифровизации обусловлены и длительной творческой и энциклопедической историей этого грандиозного проекта. На протяжении четырех десятилетий, пока создавались и выходили тома словаря, произошли значительные изменения и в структуре представления литературной биографии, и в научном языке, эволюцию которых «Русские писатели» могут выразительно иллюстрировать.³⁸ На столь долгом пути неизбежны и утраты: почти невозможно было сохранить единый формат описания, что важно для справочника вообще и особенно важно для его цифровой трансформации. Этому способствовало не только время, но и яркий индивидуальный стиль и концепции авторов, которые зачастую создавали в конкретных статьях биографический нарратив, обладающий уникальной поэтикой.³⁹ Естественное авторское стремление к персонализации текста могло затрагивать и такую формальную часть статьи, как открывающий ее формуляр — определение основных литературных занятий русских писателей.⁴⁰

начале XX в. М., 2011), а также электронный проект А. Кимбалла (Университет Орегона, США), каталогизировавшего различные общественные объединения Российской империи 1855–1866 годов (*Kimball A. Voluntary Societies and Mobilization of a Russian Imperial Public: An Aggregation of Most Active Organizations, 1855–1866* // <http://pages.uoregon.edu/kimball/OBX.htm> (дата обращения: 04.04.2025)).

³⁶ Бодрова А. С. Стромиллов Семен Иванович // Русские писатели. 1800–1917. Т. 6. С. 92–93.

³⁷ Метрическая книга церкви Пречистенского сорока [Москвы на 1860 год] // ЦГА Москвы. Ф. 203. Оп. 745. № 569. Л. 874 об. — 875 (<https://yandex.ru/archive/catalog/05035226-d1a5-4e7f-b410-ba5a3a10740c/879>; дата обращения: 04.04.2025). Из этого источника, а также из данных исповедных ведомостей можно предположить, что наиболее вероятная дата рождения Стромиллова — 1811 год, а не 1810, указанный в словаре и повторяющий данные других источников.

³⁸ О слове как о репрезентативном источнике по истории позднесоветской и постсоветской филологии писал в рецензии на четвертый том «Русских писателей» Рейтблат: *Рейтблат А. И. Размышления на середине дороги* // Новая русская книга. 2000. № 1 (2). С. 10.

³⁹ См., например, статью И. Ю. Виницкого об А. М. Пуговишникове (Русские писатели. 1800–1917. Т. 5. С. 174–175), статью А. Л. Осповата и Р. Г. Лейбова о Ф. И. Тютчеве (Там же. Т. 6. С. 350–361) и др.

⁴⁰ «Разнобой в дефинициях, когда, к примеру, Александр Слепцов определен как „автор публицистических статей и воспоминаний“, а Петр Полетика уже как „мемуарист и публицист“, отмечался рецензентами справочника — см.: *Радзишевский В. «Ну что за пестрая семья!»* [Рец. на:] Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 5. М., 2007 // Знамя. 2008. № 5. С. 217–220.

При изучении дефиниций, которыми авторы статей характеризовали род литературных и часто внелитературных занятий своих героев, было выявлено 570 уникальных определений для без малого трех тысяч писателей. Подобное разнообразие сильно затрудняет классификацию и не позволяет увидеть значимых тенденций. Однако среди этих дефиниций ожидаемо оказалось множество синонимических — например, такая «литературная специальность», как «детский писатель», в словаре была обозначена 20 различными способами (автор книг для детей, автор книг для юношества, автор популярных книг для детей, автор произв. для детей, автор произв. для детей и юношества, автор рассказов для детей и т. д.); существенное число авторов имело неинформативные дефиниции типа «литератор» (А. С. Хвостов, А. А. Прокопович-Антонский, Я. И. Санглен, Д. Н. Блудов, Ф. Ф. Вигель и др.), «сочинитель» (А. Г. Попов). В отдельных случаях, наоборот, использовались определения-гапаксы: *автор книг для матросов* (А. И. Ризников), *вопленица* (И. А. Федосова), *дворцовый механик* (Д. А. Аксеновский), *ученый-пчеловод* (А. И. Покорский-Жоравко), *литератор-графоман* (А. М. Пуговишников). Наконец, ряд писателей первого ряда, таких как А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, Ф. И. Тютчев и др., вообще не имели в словаре никаких определений. С точки зрения словарного формата это, пожалуй, и резонно (все знают, кто такой Пушкин), но для формального описания структуры литературного поля требует коррекции.

Отдавая должное авторской оригинальности, мы в рамках собственной научной задачи по превращению словарного нарратива в формат базы данных должны были прибегнуть к унификации формулировок, чтобы иметь возможность для корректных сопоставлений и статических подсчетов.

По итогам работы по унификации и уточнению дефиниций был составлен список из 40 определений, относящихся как к видам литературной деятельности (*поэт, прозаик, драматург, переводчик, детский писатель, автор травелогов*), так и к социолитературному профилю (*издатель, редактор, цензор, журналист, общественный деятель*) и к иным профессиям (*художник, скульптор, музыкант, ученый, филолог, юрист, этнограф*). При понятной условности такой классификации, она все же позволяет довольно точно описать социальный и литературный профиль авторов, включенных в словарь, и провести предварительные количественные исследования, демонстрирующие возможности предлагаемого подхода.

Так, на рис. 1 показано распределение по году рождения литераторов, в словарной дефиниции которых есть определение «поэт». Поскольку, как правило, в словарной дефиниции всегда больше одного определения, мы исключили тех авторов, которые, кроме «поэта», имели также определение «прозаик». На графике отчетливо выражены пиковые значения количества поэтов 1790–1810-х годов рождения (т. е. пушкинской эпохи, иногда называемой Золотым веком русской поэзии) и количества поэтов 1880-х годов рождения (т. е. Серебряного века). Полученные статистические результаты обнаруживают корреляцию с общепринятыми образными определениями периодов поэтического подъема в русской литературе, что валидирует количественные методы анализа историко-литературного материала и одновременно еще раз подтверждает устоявшуюся периодизацию истории русской поэзии.

Естественно было посчитать и то, как ведет себя другая крупнейшая когорта — авторы, в дефиниции которых есть определение «прозаик», но при этом отсутствует определение «поэт». Их дистрибуция по году рождения показана на рис. 2. Оказывается, что число прозаиков увеличивалось именно в те годы, когда рождалось наименьшее количество поэтов, т. е. в 1840-х — начале 1850-х годов. Это авторы, в основном вступившие в литературу начиная

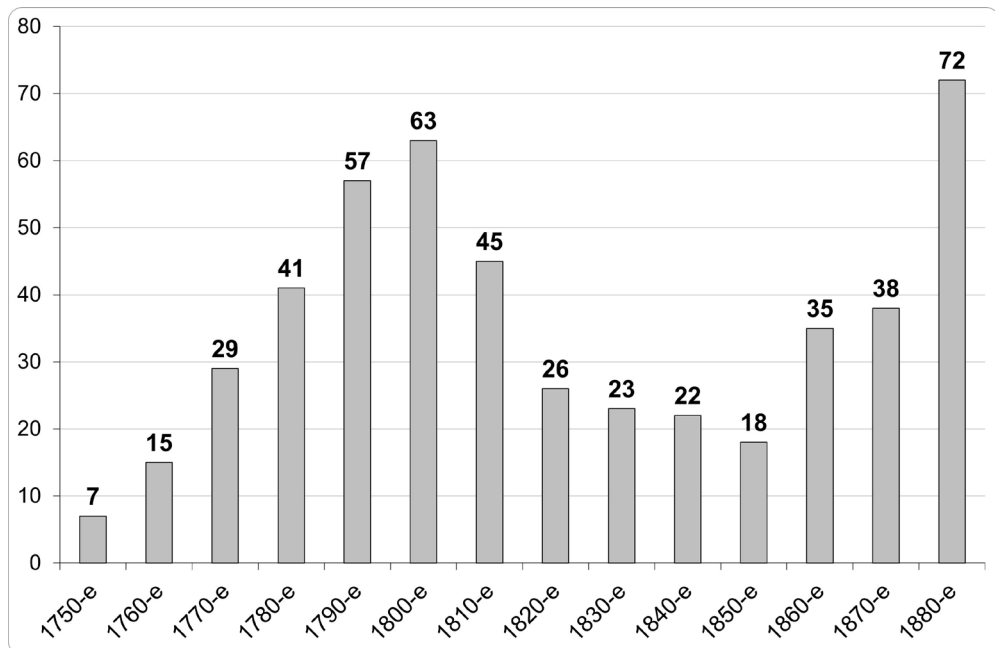

Рис. 1. Распределение поэтов по годам рождения

с 1870-х годов, в частности писатели и публицисты-народники и близкие к ним. В их числе — Н. К. Михайловский (1842), Г. И. Успенский (1843), Н. Н. Златовратский (1845), А. И. Иванчин-Писарев (1849), В. М. Лавров (1852), В. Г. Короленко (1853) и др. Развернутая интерпретация этих графиков будет возможна при обработке и анализе других биографических и социолитературных данных, учитывая, что тот или иной выбор «специальности» зависел от множества факторов — как собственно литературных («автоматизация» поэтических, а затем прозаических жанров), так и «бытовых» (в эйхенбаумовском смысле), экономических, социальных (число и тип периодических изданий в то или иное десятилетие, издательская и цензурная политика и т. д.). Помимо этого, следует отметить, что для первых и последних десятилетий данные могут быть не вполне корректными, потому что выборочно учитывают авторов предыдущего и последующего периодов (XVIII и XX веков), поэтому мы не стали приводить данные по авторам 1890-х годов рождения, которые в существенной своей части вошли в литературу уже после 1917 года. Тем не менее это не влияет на описанные выше тенденции.

Таким образом, база данных по социальной истории литературы, построенная на соотносимых и соизмеримых характеристиках, прежде всего социобиографических (сословная принадлежность, уровень и место образования, место и тип службы и т. д.) и социолитературных (дата литературного дебюта, основные жанры по периодам, ведущие периодические издания, наличие прижизненных собраний сочинений, откликов в критике, литературных премий и т. д.), позволяет показать общие тенденции в развитии литературного поля, описать в синхронии и диахронии различные институты литературы, выявить ключевые измерения литературной биографии, учесть максимальное число участников литературного поля. Разрабатываемая база данных по социальной истории русской литературы XIX века может стать принципиаль-

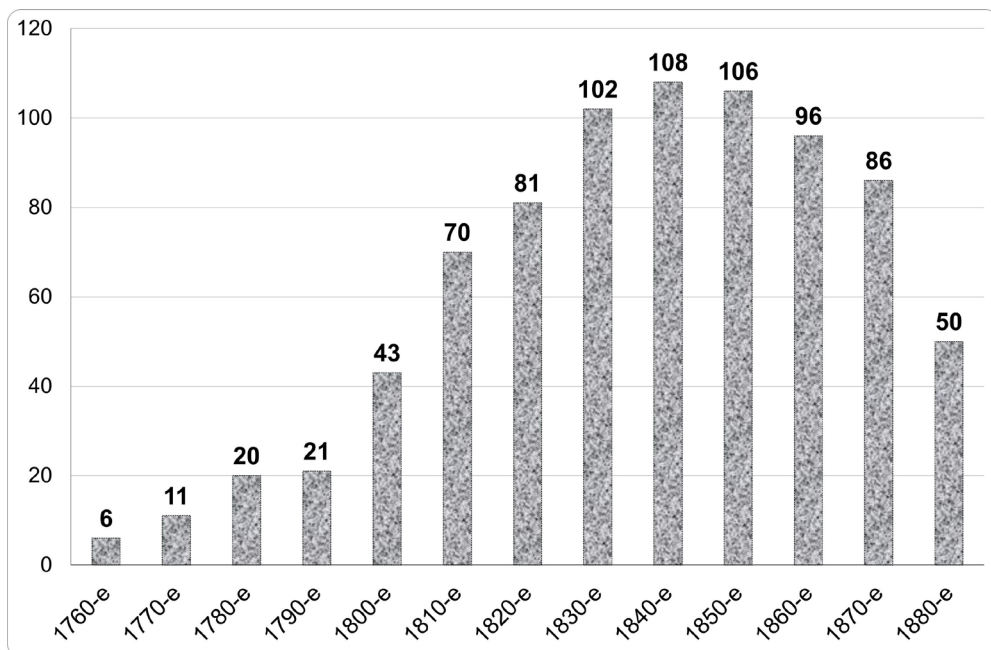

Рис. 2. Распределение прозаиков по годам рождения

но новым инструментом филологического и социолитературного анализа, дающим возможность учитывать обширный набор фундированных данных для решения конкретных историко-литературных и социологических задач.

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-3-37-49

© О. В. МАКАРЕВИЧ

РЕДСТОКИЗМ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1870-х ГОДОВ*

Начиная с 1990-х годов проблема «православие и русская литература» весьма широко осмысливается в трудах филологов в самых разных аспектах.¹ Диапазон мнений достаточно широк и колеблется между категорическим неприятием христианского начала светской литературы² и панегирическим

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 24-18-00761, <https://rscf.ru/project/24-18-00761/>, ИРЛИ РАН.

¹ См.: Христианство и новая русская литература XVIII–XX веков: Библиографический указатель. 1800–2000. СПб., 2002.

² Ср., к примеру: «Ведет ли духовность русской литературы непременно к православию и даже вообще к христианству? Нет. Христианство в литературе <...> интуитивно, индивидуально <...>. В христианском смысле духовность русской литературы стоит на песке» (Грибов Н. [Письмо издателем] // Вече (Мюнхен). 1999. № 64. С. 343).

43. *Tvorogov O. V.* Leksicheskiy sostav «Povesti vremennykh let» (Slovoukazateli i chastotnyi slovník). Kiev, 1984.
44. *Uspenskii F. B.* Skandinav. Variagi. Rus': Istoriko-filologicheskie ocherki. M., 2002.
45. *Venediktov G. L.* Fol'klorizatsiia pamiatnikov drevnerusskoi literatury v Russkom Ust'e // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. L., 1985. T. 40.
46. *Vershinin K. V.* Remarki knizhnikov v drevnerusskikh tolkovykh kompiliatsiiakh // Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii. 2020. № 2.
47. *Vinogradov A. Iu.* Eshche odno rannee svidetel'stvo Rusi? // Antichnaia drevnost' i srednie veka. 2023. T. 51.
48. *Vitsen N.* Puteshestvie v Moskoviiu: 1664–1665. Dnevnik / Per. so starogoll. V. G. Trisman. SPb., 1996.
49. *Vodolazhin E. G.* Ob ulybkakh i kotakh (po povodu knigi A. Peresvetova-Morata «A Grin without a Cat». Lund, 2002) // Russkaia literatura. 2004. № 4.
50. *Vodolazhin E. G.* Vsemirnaia istoriia v literature Drevnei Rusi (na materiale khronograficheskogo i paleinogo povestvovaniia XI–XV vekov). 2-e izd., pererab. i dop. SPb., 2008.
51. *Vvedenskii A. M.* Datirovka puteshestviia Afanasiia Nikitina za tri moria: novyi vzgliad // Slověne. 2023. Vol. 12. № 2. C. 80.
52. *Zimin A. A.* Novye spiski «Khozheniia» Afanasiia Nikitina // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. M.; L., 1957. T. 13.

Алина Сергеевна Бодрова

доцент Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Alina Sergeevna Bodrova

Associate Professor, National Research University
Higher School of Economics (Moscow);
Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-4048-1908

abodrova@hse.ru

Сергей Николаевич Гуськов

зам. директора по научной работе Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН; доцент Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)

Sergei Nikolaevich Gus'kov

Deputy Director, Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom),
Russian Academy of Sciences; Docent, National Research University
Higher School of Economics (St. Petersburg)

ORCID: 0000-0002-5921-9926

sgouskov@gmail.com

**О СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА.
ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ**

**SOCIAL HISTORY OF THE 19TH CENTURY RUSSIAN LITERATURE.
ACADEMIC OBJECTIVES AND PERSPECTIVES**

В статье сформулированы возможные перспективы расширения традиционных подходов к изучению русской литературы XIX века с акцентом на социальные аспекты. Для полноценного понимания литературы этого периода необходима интеграция историко-литературных и социологических методов, что позволит рассматривать ее не только как эстетический феномен, но и как социальный и политический институт. Традиционные истории литературы, основанные на изучении произведений «первостепенных» писателей, не отражают полной картины XIX века, игнорируя «второстепенных» авторов и широкий спектр общественных и культурных контекстов. Авторы призывают к переосмыслению подходов к социальной истории русской литературы и к разработке новых, основанных на данных, подходов к литературным исследованиям.

Ключевые слова: историческая социология, социальная история русской литературы, словарь «Русские писатели. 1800–1917».

The article outlines prospective expansion of the traditional approaches to the studies of the 19th century Russian literature, focusing on social aspects. The full understanding of literature of this period can only be gained through the integration of historical, literary and sociological methods, so that literature would be studied not only as an aesthetic phenomenon, but as a social and political institution as well. Traditional literary scholarship, based on the studies of the legacy of the «first-rate» writers, does not seem to offer the full picture of the 19th century literature, ignoring «minor» authors and a wide range of social and cultural contexts. The article calls for innovative approaches to the social history of Russian literature and for the emergence of new, data-driven approaches to literary studies.

Key words: historical sociology, social history of Russian literature, *Russian Writers. 1800–1917* dictionary.

Список литературы

1. Багно В. Е. О новой академической «Истории русской литературы» в Пушкинском Доме // Русская литература. 2017. № 1.
2. Балакин А. Ю., Степина М. Ю. «Это надо спросить у Бессонова» // Новое литературное обозрение. 2016. № 140.
3. Бодрова А. С. Литературные общества в России первой половины XIX века: проблемы междисциплинарного описания // Русская литература. 2021. № 1.
4. Брэдли Д. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М., 2012.
5. Бурдые П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 45.
6. Вдовин А. В., Зубков К. Ю. «Не литература сама по себе, а ее социальное бытование»: институты литературы в Российской империи // Институты литературы в Российской империи: Коллективная монография / Отв. ред. А. В. Вдовин, К. Ю. Зубков. М., 2023.
7. Гаспаров М. Л. Как писать историю литературы // Новое литературное обозрение. 2003. № 59.
8. Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969.
9. Гронас М. О новой экономической критике, как если бы о ней писал новый экономический критик // Новое литературное обозрение. 2002. № 58.
10. Гудков Л. Д., Дубин Б. В. «Эпическое» литературоведение. Стерилизация субъективности и ее цена // Новое литературное обозрение. 2003. № 1.
11. Гудков Л. Д., Дубин Б. В. Литература как социальный институт. М., 1994.
12. Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Страда В. Литература и общество: введение в социологию литературы. М., 1998.
13. Гуськов С. Н. Литература и государственная власть в России XIX века. Обзор новых исследований // Русская литература. 2021. № 4.
14. Дубин Б. В. Биография, репутация, анкета (О формах интеграции опыта в письменной культуре) // Дубин Б. В. Очерки по социологии культуры: Избранное. М., 2017.
15. Дубин Б. В. Слово — письмо — литература: Очерки по социологии современной культуры. М., 2001.
16. Живов В. М. Московско-тартуская семиотика: ее достижения и ее ограничения // Новое литературное обозрение. 2009. № 98.
17. Из истории философско-эстетической мысли 1920–1930-х годов. М., 2003. Вып. 1. Н. А. Сетницкий / Сост. Е. Н. Берковской (Сетницкой), А. Г. Гачевой; подг. текста и комм. А. Г. Гачевой.
18. История чтения в западном мире от Античности до наших дней / Ред.-сост. Г. Кавалло, Р. Шартье. М., 2008.
19. Калугин Д. Я. Биография как теория и практика // Калугин Д. Я. Проза жизни: русские биографии XIX–XX вв. СПб., 2015.

20. Каспэ И. Как возможна литература? Как возможна социология литературы не по Бурдье? // Новое литературное обозрение. 2015. № 2.
21. Конусова Е. Д. Коллекция автобиографий и библиографических материалов С. А. Венгерова: формирование и историко-литературное значение. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016.
22. Макеев М. С. Николай Некрасов: Поэт и Предприниматель (очерки о взаимодействии литературы и экономики). М., 2008.
23. Немзер А. С. Замечательное десятилетие русской литературы. М., 2003.
24. Немзер А. С. Как Булгарин не вышел в гении. А Пушкин послужил социологии литературы // Время новостей. 2001. 22 авг. № 151.
25. Несовершенная публичная сфера: История режимов публичности в России / Сост. Т. Вайзер, Т. Атнашев, М. Велижев. М., 2021.
26. Радзишевский В. «Ну что за пестрая семья!» [Рец. на:] Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 5. М., 2007 // Знамя. 2008. № 5.
27. Рейтблат А. И. Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М., 2001.
28. Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009.
29. Рейтблат А. И. Размышления на середине дороги // Новая русская книга. 2000. № 1 (2).
30. Розанов И. Н. Литературные репутации. Работы разных лет. М., 1990.
31. Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1989–2007. Т. 1–5; М.; СПб., 2019. Т. 6.
32. Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII — начале XX в. М., 2011.
33. Стоун Дж. Институты русского модернизма: концептуализация, издание и чтение символизма. М., 2022.
34. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
35. Хохлова Н. А. Может ли быть завершен изданием «Предварительный список русских писателей и ученых» С. А. Венгерова // Русская литература. 2014. № 4.
36. Цифровые гуманитарные исследования. Красноярск, 2023.
37. Чудакова М. О. Социальная практика, филологическая рефлексия и литература в научной биографии Эйхенбаума и Тынянова // Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения. Рига, 1986.
38. Шартье Р. Письменная культура и общество / [Пер. с фр. и послесловие И. К. Стаф]. М., 2006.
39. Эйхенбаум Б. М. «Мой современник». Художественная проза и избранные статьи 20–30-х годов. СПб., 2001.
40. Ярхо Б. И. Методология точного литературоведения: Избр. труды по теории литературы / Изд. подг. М. В. Акимова, И. А. Пильщиков, М. И. Шапир. М., 2006.
41. Bradley J. Voluntary associations in Tsarist Russia. Cambridge, MA, 2009.
42. Brooks J. When Russia learned to read: literacy and popular literature, 1861–1917. Princeton, 1985.
43. Byford A. S. A. Vengerov: The Identity of Literary Scholarship in Late Imperial Russia // Slavonic and East European Review. 2003. Vol. 81. № 1.
44. Franklin S., Reich R., Widdis E. Introduction // The New Cambridge History of Russian Literature. Cambridge, 2024.
45. Kahn A., Lipovetsky M., Reyfman I., Sandler S. A History of Russian Literature. Oxford, 2018.
46. Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia / Ed. D. Rebecchini, R. Vassena. Milano, 2020. Vol. 1–3.

References

1. Bagno V. E. O novoi akademicheskoi «Istorii russkoi literatury» v Pushkinskom Dome // Russkaia literatura. 2017. № 1.
2. Balakin A. Iu., Stepina M. Iu. «Eto nado sprosit' u Bessonova» // Novoe literaturnoe obozrenie. 2016. № 140.
3. Bodrova A. S. Literaturnye obshchestva v Rossii pervoi poloviny XIX veka: problemy mezhdistsiplinarnogo opisaniia // Russkaia literatura. 2021. № 1.
4. Bradley J. Voluntary associations in Tsarist Russia. Cambridge, MA, 2009.
5. Bredli D. Obshchestvennye organizatsii v tsarskoi Rossii: nauka, patriotizm i grazhdanskoe obshchestvo. M., 2012.

6. *Brooks J.* When Russia learned to read: literacy and popular literature, 1861–1917. Princeton, 1985.
7. *Burd'e P.* Pole literary // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2000. № 45.
8. *Byford A. S. A.* Vengerov: The Identity of Literary Scholarship in Late Imperial Russia // *Slavonic and East European Review*. 2003. Vol. 81. № 1.
9. *Chudakova M. O.* Sotsial'naiia praktika, filologicheskaiia refleksii i literatura v nauchnoi biografii Eikhenbauma i Tynianova // *Tynianovskii sbornik. Vtorye Tynianovskie chteniia*. Riga, 1986.
10. *Dubin B. V.* Biografiia, reputatsiia, anketa (O formakh integratsii opyta v pis'mennoi kul'ture) // *Dubin B. V. Ocherki po sotsiologii kul'tury: Izbrannoe*. M., 2017.
11. *Dubin B. V.* Slovo — pis'mo — literatura: Ocherki po sotsiologii sovremennoi kul'tury. M., 2001.
12. *Eikhenbaum B. M.* «Moi vremennik». Khudozhestvennaia proza i izbrannye stat'i 20–30-kh godov. SPb., 2001.
13. *Franklin S., Reich R., Widdis E.* Introduction // *The New Cambridge History of Russian Literature*. Cambridge, 2024.
14. *Gasparov M. L.* Kak pisat' istoriiu literatury // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2003. № 59.
15. *Gillel'son M. I. P. A.* Viazemskii: Zhizn' i tvorchestvo. L., 1969.
16. *Gronas M.* O novoi ekonomicheskoi kritike, kak esli by o nei pisal novyi ekonomicheskii kritik // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2002. № 58.
17. *Gudkov L. D., Dubin B. V.* «Epicheskoe» literaturovedenie. Sterilizatsiia sub'ektivnosti i ee tsena // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2003. № 1.
18. *Gudkov L. D., Dubin B. V.* Literatura kak sotsial'nyi institut. M., 1994.
19. *Gudkov L. D., Dubin B. V., Strada V.* Literatura i obshchestvo: vvedenie v sotsiologiiu literatury. M., 1998.
20. *Gus'kov S. N.* Literatura i gosudarstvennaia vlast' v Rossii XIX veka. Obzor novykh issledovaniy // *Russkaia literatura*. 2021. № 4.
21. *Iarkho B. I.* Metodologiiia tochnogo literaturovedeniia: Izbr. trudy po teorii literatury / Izd. podg. M. V. Akimova, I. A. Pil'shchikov, M. I. Shapir. M., 2006.
22. *Istoriia chteniia v zapadnom mire ot Antichnosti do nashikh dnei* / Red.-sost. G. Kavallo, R. Shart'e. M., 2008.
23. *Iz istorii filosofsko-esteticheskoi mysli 1920–1930-kh godov*. M., 2003. Vyp. 1. N. A. Setnitskii / Sost. E. N. Berkovskoi (Setnitskoi), A. G. Gachevoi; podg. teksta i komm. A. G. Gachevoi.
24. *Kahn A., Lipovetsky M., Reyfman I., Sandler S.* A History of Russian Literature. Oxford, 2018.
25. *Kalugin D. Ia.* Biografiia kak teoriia i praktika // *Kalugin D. Ia. Proza zhizni: russkie biografii XIX–XX vv.* SPb., 2015.
26. *Kaspe I.* Kak vozmozhna literatura? Kak vozmozhna sotsiologiiu literatury ne po Burd'e? // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2015. № 2.
27. *Khokhlova N. A.* Mozhet li byt' zavershen izdaniem «Predvaritel'nyi spisok russkikh pisatelei i uchenykh» S. A. Vengerova // *Russkaia literatura*. 2014. № 4.
28. *Konusova E. D.* Kolleksiia avtobiografii i biobibliograficheskikh materialov S. A. Vengerova: formirovanie i istoriko-literaturnoe znachenie. Dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2016.
29. *Makeev M. S.* Nikolai Nekrasov: Poet i Predprinimatel' (ocherki o vzaimodeistvii literatury i ekonomiki). M., 2008.
30. *Nemzer A. S.* Kak Bulgarin ne vyshel v genii. A Pushkin posluzhil sotsiologii literatury // *Vremia novostei*. 2001. 22 avg. № 151.
31. *Nemzer A. S.* Zamechatel'noe desiatiletie russkoi literatury. M., 2003.
32. *Nesovershennaia publichnaia sfera: Istoriia rezhimov publichnosti v Rossii* / Sost. T. Vaizer, T. Atnashev, M. Velizhev. M., 2021.
33. *Radzishevskii V.* «Nu chto za pestraia sem'ia!» [Rets. na:] *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'*. T. 5. M., 2007 // *Znamia*. 2008. № 5.
34. *Reading Russia. A History of Reading in Modern Russia* / Ed. D. Rebecchini, R. Vassena. Milano, 2020. Vol. 1–3.
35. *Reitblat A. I.* Kak Pushkin vyshel v genii. Istoriko-sotsiologicheskie ocherki o knizhnoi kul'ture Pushkinskoi epokhi. M., 2001.
36. *Reitblat A. I.* Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoi sotsiologii russkoi literatury. M., 2009.
37. *Reitblat A. I.* Razmyshleniia na seredine dorogi // *Novaia russkaia kniga*. 2000. № 1 (2).
38. *Rozanov I. N.* Literaturnye reputatsii. Raboty raznykh let. M., 1990.
39. *Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'*. M., 1989–2007. T. 1–5; M.; SPb., 2019. T. 6.
40. *Samoorganizatsiia rossiiskoi obshchestvennosti v poslednei treti XVIII — nachale XX v.* M., 2011.

41. *Shart'e R.* Pis'mennaia kul'tura i obshchestvo / [Per. s fr. i posleslovie I. K. Staf]. M., 2006.
42. *Stoun Dzh.* Instituty russkogo modernizma: kontseptualizatsiia, izdanie i chtenie simvolizma. M., 2022.
43. Tsifrovye gumanitarnye issledovaniia. Krasnoiarsk, 2023.
44. *Tynianov Iu. N.* Poetika. Istoriia literatury. Kino. M., 1977.
45. *Vdovin A. V., Zubkov K. Iu.* «Ne literatura sama po sebe, a ee sotsial'noe bytovanie»: instituty literatury v Rossiiskoi imperii // Instituty literatury v Rossiiskoi imperii: Kollektivnaia monografiia / Otv. red. A. V. Vdovin, K. Iu. Zubkov. M., 2023.
46. *Zhivov V. M.* Moskovsko-tartuskaia semiotika: ee dostizheniia i ee ogranicheniia // Novoe literaturnoe obozrenie. 2009. № 98.

Ольга Владимировна Макаревич

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Ol'ga Vladimirovna Makarevich

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-0244-5797

philologolga@gmail.com

РЕДСТОКИЗМ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1870-х ГОДОВ

RADSTOCKISM IN THE PERIODICALS OF THE SECOND HALF OF THE 1870s

Статья посвящена дискуссиям, развернувшимся в периодической печати в связи с визитами в Россию лорда Редстока и распространением его идей. Авторы статей не только давали оценку его «учению», но и затрагивали вопросы, касающиеся жизни современной православной церкви, ее пастырской деятельности, вовлеченности народа в приходскую жизнь и т. д. Особое внимание уделено благотворительным инициативам, которых общество ожидало от церкви, но которые реализовывались при поддержке последователей «великосветского раскола».

Ключевые слова: литература и церковь, периодическая печать, редстокизм, пашковство, периодическая печать.

The article analyses the discussions that unfolded in the periodicals in connection with Lord Radstock's visits to Russia and the propagation of his ideas. Apart from assessing his «teachings», the contributors touched upon various issues related to the life of the modern Russian Orthodox Church, its pastoral activities, the involvement of the congregation in parish life, etc. The article offers detailed analysis of the charitable undertakings that the society expected from the Church, that were implemented though with the support of the female followers of the «high-society schism».

Key words: literature and church, periodicals, Radstockism, Pashkovism, periodical press.

Список литературы

1. *Балакишина Ю. В.* Религия и литература: аспекты взаимодействия (на материале русской литературы XIX века) // Вестник Свято-Филаретовского ин-та. 2014. № 9.
2. *Виротайнен М. Н.* Исторические метаморфозы русской словесности. СПб., 2007.
3. *Грибов Н.* [Письмо издателям] // Вече (Мюнхен). 1999. № 64.
4. *Долбилов М. Д.* «Анна Каренина» и 1876 год. От «утонченной восторженности» к «непосредственному чувству» // Русский реализм XIX века: общество, знание, повествование. М., 2020.